

Глава 8

КОЛЛЕКЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ВЕЩЕЙ М. Н. ВАСИЛЬЕВА (1823). НЕИЗВЕСТНЫЕ СПИСКИ В. М. ГОЛОВНИНА

В 2012 г. (см. предыдущую главу) в результате сравнений особого типа рукописных этикеток на американских предметах с этикетками на старинных предметах из фондов отдела Австралии и Океании, а также на основе более общих соображений ряд австралийских и океанийских предметов МАЭ идентифицировался нами как часть коллекции Головнина, переданной им в Музей Императорской Академии наук в декабре 1819 г. [Белков 2012: 242–244]. Настоящая глава будет посвящена опровержению трех априорных положений, использовавшихся нами при реконструкции «академической» коллекции Головнина в 2012 г.¹ Речь идет о трех тезисах: 1) тезис, согласно которому плавание М. Н. Васильева в 1819–1822 гг. ограничивалось северными районами Тихого океана, 2) тезис о том, что этикетки, которые, по мнению С. А. Корсуна, являются «этикетками Алексеева», связаны с коллекцией предметов из личных сборов Головнина, и, наконец, 3) тезис, который гласит, что строки, пропущенные в рабочем списке Руссова, соответствуют океанийским вещам².

¹ Обо всех перипетиях, связанных с изменениями старой концепции, можно узнать из работ автора, опубликованных в 2013 г. (см.: [Белков 2013а: 154–159; 2013б: 239–252]).

² Ориентируясь на структуру списка, исследователи, в том числе и автор настоящей книги, исходили из наиболее простого предположения, что составитель этого списка интересовался только американскими предметами (вспомним, что список хранится в отделе Америки). С учетом маршрута плавания Головнина, в который входило не только побережье Америки, но и Океания (Гавайские острова), а также смешанный состав другой коллекции, привезенной Головниным из того же плавания и переданной в Музей Государственного Адмиралтейского департамента, можно было заключить, что пропущенные строки соответствуют обозначениям именно океанийских вещей.

Этнографические сборы экспедиции М. Н. Васильева в Австралии и Океании (1819–1822)

Изучение литературы позволило выявить факт, прежде не отражавшийся в публикациях по истории ранних коллекций МАЭ РАН. Мы говорим о двух работах Д. Д. Тумаркина с достаточно подробным описанием кругосветной экспедиции М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева [Тумаркин 1960: 158–160; 1983: 48–61]. Содержащиеся в них сведения о посещении кораблями этой экспедиции Австралии и Гавайских островов окончательным образом решают вопрос о принадлежности обсуждаемой коллекции вещей из Австралии («Новой Голландии») и с Гавайских («Сандвичевых») островов в пользу версии, согласно которой они были переданы в дар академии именно М. Н. Васильевым (см. протокол Конференции от 1823 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 30. Л. 117]).

Здесь требуется сделать несколько уточнений или пояснений. По мнению С. А. Корсуна, вещи из коллекции Васильева при передаче были сложены в 12 ящиках (“12 pièces”) [Корсун 2005: 111]. Количественный аспект, безусловно, важен для того, чтобы составить правильное представление о составе коллекции. Однако в данном контексте слово “pièces” с французского языка следует переводить как эквивалент русского «место». Васильев имел в виду вещи, привезенные им в Санкт-Петербург в качестве багажа экспедиции. Сохранились два отношения Васильева в Кронштадтскую таможню, датированных июлем 1823 г. В первом он просит освидетельствовать и препроводить в Академию наук «собранные во время путешествия <...> вокруг Света от диких народов разныя их оружия одеяния и прочия изделия уложенныя в двух ящиках» [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. № 52. Л. 16]. Во втором содержатся сведения по запросу таможни об обстоятельствах сбора коллекции, переданной в Академию наук [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. № 52. Л. 17]. Поэтому приведем текст этого документа («В Кронштадтскую Таможню от капитана 1го ранга Васильева») полностью:

«На отношение оной таможни от 13го сего июля за № 1125. Имею уведомить: что отправленные ныне мною чрез Кронштатскую Таможню в Академию Наук в двух местах разныя оружия, одеяния и прочия изделия диких народов, привезены были мною в прошлом 1822^м году в Августе месяце, на Шлюпе имянуемом Открытие, и как все вышеупомя-

нутыя вещи не были ни для кого назначены но собраны мною во время вояжа собственно для себя, а потому я и не почитал за нужное тогда об них делать Таможне объявление. Ныне же решаь вещи сии предложить в дар Российской Императорской Академии Наук¹, и уложив оныя в два места, долгом поставил к избежанию остатки (? — П.Б.) при провозе заявить о том Кронштатской Таможне» [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. № 52. Л. 18].

Не вполне ясно, чем объясняется факт превращения *двух* «мест» в записке Васильева в *двенадцать* “pieces” в протоколах академии. Однако теперь можно совершенно точно утверждать, что переданные вещи происходят не из сборов возглавляемой им экспедиции, как это произошло с вещами из экспедиции Беллингаузена, но собраны Васильевым «собственно для себя», что существенно повышает историческую ценность коллекции.

Сопроводительного списка коллекции Васильева, по всей видимости, не было. В качестве его замены, вероятно, должны были служить сами этикетки с довольно подробными описаниями вещей, касающимися их географического происхождения и утилитарного назначения. Как уже отмечалось, по мнению С. А. Корсуна, автором коротких текстов этикеток был комиссар Алексеев² [Корсун 2005: 111; 2007: 118]. Однако почерк Алексеева довольно легко вычислить. Он хорошо идентифицируется по многим документам и не имеет ничего общего с почерком этикеток упомянутого типа. Данный же почерк принадлежит лейтенанту Р. П. Бойлю, участнику экспедиции, непосредственному подчиненному Васильева, скорее всего, наклеивавшему этикетки на вещи по поручению своего начальника. Об авторстве Р. П. Бойля можно судить как по почерку (впервые определен Д. Д. Тумаркиным [Тумаркин 1983: 50]), так и по характерным особенностям орфографии («апохоло» вместо «опахало», «дудучка» вместо «дудочка», «удачки» вместо «удочки»).

¹ Весьма примечательная ошибка. М. Н. Васильев называет Императорскую Академию наук «Российской», хотя в ту эпоху существовало две академии (помимо Академии художеств): Императорская Академия наук и Российская академия наук.

² «Коммисар 1) Полковой казначей денежной. 2) Так же называется пристав коему препоручен казенной какой либо сбор, или препоручено что либо в смотрение, в сохранение» [Словарь 2002: 763].

Список вещей, снабженных «этикетками Бойля», можно пополнить за счет некоторых других предметов, чья принадлежность к сборам экспедиции Васильева обосновывается косвенным образом. Так, на гавайском веере № 736-208, кажется, довольно отчетливо просматривается продольный след от узкой прямоугольной этикетки, которая в начале XX в. была вклеена в описание коллекции № 736. Подобный след от этикетки, только приклеенной вертикально, сохранился на гавайском веере № 750-4. Согласно существующей атрибуции, этот веер среди других вещей поступил в Музей Императорской Академии наук от Лисянского в конце 1806 г. Однако наличие цветных шерстяных нитей европейского происхождения в орнаменте данного веера, как и в орнаменте веера № 736-208, говорит о его относительно позднем происхождении. Следовательно, пользуясь методом исключения, предмет № 750-4 можно достаточно уверенно отнести к коллекции Васильева 1823 г.

Есть еще один факт, давно опубликованный, но не нашедший отражения в разысканиях по истории коллекций МАЭ. В «Записках» А. П. Лазарева, также участвовавшего в экспедиции под командованием Васильева, рассказывается об одном из эпизодов пребывания на Гавайских островах (визите на яхту гавайского короля) и в связи с этим — о предметах, которые он видел в употреблении: «Для любимой королевы поставлен был подле короля стул, а за ними, на полу, расположились отгонятели мух и чиновник с плевательницей. При сем случае заметили мы некоторое различие между означенными прислужниками короля и королевы. Первого обмахивали <...> двое простыми соломенными веерами, вторую же только один, но зато султаном, сделанным весьма красиво и чисто из красных перьев, носильщика же плевательной чашки она не имела» [Лазарев 1950: 257].

Судя по всему, «султан» из красных перьев, которым (или ему подобным) обмахивали королеву, значит под № 736-229. В коллекции № 736 есть также два «соломенных», то есть плетенных из листьев пандануса, веера с Гавайских островов (№ 736-294/1, 2). Один из них идентифицируется по этикетке ««Веер Сандвичевых островов» (см.: [Белков 2012: 244]). На парность этих вееров указывает, с одной стороны, единство места хранения до составления первой описи в 1903 г., с другой, — если так можно выразиться, единство описания в «Записках» Лазарева. Все это, вместе взятое, позволяет думать, что эти три предмета (опахало из красных перьев и два узких

веера из пандануса) связаны между собой своим «провенансом», что именно их в буквальном смысле и имел в виду Лазарев¹.

Несколько слов скажем о самом загадочном предмете из коллекции Васильева — палице № 736-252 с этикеткой «Орудие Сандвичан против неприятеля». Сообразуясь с представлениями начала XIX в., Е. Л. Петри при составлении описи коллекции № 736 определила этот предмет как происходящий с островов Гервей (Кука). В своем мнении она ориентировалась на сходство этой палицы с палицами с о-ва Руруту (о-ва Тубуаи), которые раньше в литературе довольно часто атрибутировались как относящиеся к материальной культуре жителей о-вов Гервей. Однако здесь возникают довольно серьезные сомнения именно в силу того факта, что принадлежность предмета № 736-252 к экспедиции Васильева можно считать доказанной. Во-первых, острова Тубуаи расположены слишком далеко от маршрута экспедиции Васильева. Во-вторых, обнаруживая заметное сходство в ромбовидной форме верхней части и в деталях резного орнамента, палица № 736-252 разительно отличается от палиц рассматриваемого типа с о-вов Тубуаи как по своим размерам, так и по своим пропорциям.

В настоящий момент автору этих строк известен только один предмет, являющийся полным аналогом палицы № 736-252. Он был опубликован Л. А. Д. Монтагю в 1921 г. и атрибутирован им как происходящий с о-вов Гервей (Кука) со следующими комментариями: «Этот загадочный (puzzling) предмет, изображенный на рис. 41, сделан из зеленовато-коричневого полированного дерева и имеет 4 фута 11³/₄ дюйма в длину. Форма изделия самоанская, но орнамент на рукояти характерен для о-ва Мангаиа, принадлежащего к группе о-в Гервей. Кажется, никто не встречал предмет подобного рода, но было сделано предположение, что данный предмет возник путем срезания верхней части лопасти копьеобразного весла (или веслообразного копья) с Мангаиа, которое имеет такой же резной орнамент на рукояти» [Montague 1921: 75–80]. Действительно, если срезать верхнюю часть плоского ромбовидного навершия палицы № 736-252, получится именно тот предмет, который изображен на рисунке в книге Монтагю.

¹ Отметим, что до сих пор в литературе, как кажется, не указывалось, что узкие веера такого типа на Гавайских островах могли использоваться в качестве опахала для королевской особы.

Объяснить происхождение палицы № 736-252 можно только с помощью гипотезы (пока довольно сильной), по которой данный предмет происходит с о-вов Тувалу. Д. Д. Тумаркин уже отмечал тот малоизвестный факт, что экспедиция Васильева подходила к островам Эллис (Тувалу), немного опередив своим открытием английского капитана Де Пейстера в 1819 г. [Тумаркин 1983: 48]. Вот как описывает это событие А. П. Лазарев: «17-го апреля с Благонамеренного были замечены одиннадцать низменных коралловых, весьма лесистых островов <...> Капитан Шишмарев послал на шлюпке офицера ознакомиться с дикарями и одарить их кусками обручного железа и зеркалами. Когда он подъехал к ним, то они хотя не удалялись от него; но не хотели, как казалось, сойтись с ним. Однакож, он пристал к одной лодке, где, как и в прочих трех, сидело четверо островитян, которые взяли за наши весла и таким образом держались со шлюпкой <...> Другие их товарищи, видя наше мирное расположение, также подъехали, и тут началось знакомство» [Лазарев 1950: 164].

Следовательно, какой-то обмен все-таки состоялся. В частности, Лазарев упоминает о получении в подарок «белой раковины», которую жители островов привязывали «повыше локтей», о том, что «оружие сих островитян состояло из деревянных пик с зубцами грубой работы», и о том, что «из изделий своих также не имели ничего; кроме одного мата (ковра)» [Там же: 165]. Прямых упоминаний о приобретении местных образцов оружия нет, но контакт с жителями о-вов Тувалу является единственной возможностью объяснить, как в коллекцию Васильева попал предмет, который он не мог приобрести ни в одном другом пункте маршрута экспедиции. С этнографической точки зрения обнаружение здесь палиц такой формы не кажется чем-то совершенно удивительным, особенно зная историю заселения о-вов Тувалу с Тонга и Самоа [Бутинов 1982: 25]. И на островах Тонга, и на островах Самоа имели распространение палицы со сходными силуэтом и орнаментом в виде двух параллельных ребер поперек рукояти в том месте, где она переходит в плоское навершие, причем именно в двух вариантах: с ромбовидным и подтреугольным навершием (срезанным по горизонтали ромбом). Наконец, не исключено, что предполагаемое наличие на о-вах Тувалу палиц описываемого типа могло быть как-то связано с поздней волной поселенцев, выходцев с о-вов Токелау или острова атолла Тонгарева (Пенрин) [Там же].

Завершив анализ нашего исследования 2012 г., перейдем к основной части настоящей главы. В публикациях Д. Д. Тумаркина приводится довольно подробный инвентарь универсалий традиционной гавайской культуры, которые в своих дневниках описывали члены экспедиции Васильева. Но сами этнографы до сих пор не исследовали материалы экспедиции именно как этнографический источник. Между тем по форме организации и методам наблюдения экспедиция Васильева являет собой едва ли не единственный для той эпохи случай проведения полевых этнографических исследований по правилам, близким к современной научной практике. Сбор материалов проводился по специально написанной Васильевым программе: «...какое оружие употребляли прежде двух родов пик Сандвичане, из какого дерева или камня...», «...как из чего делают маты...», «...как настоящие имена Владетелей и прочих значущих старшин...» и т.д.¹ [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. № 113. Л. 15–16 об.]. «Выполняя это поручение, — отмечает Д. Д. Тумаркин, — Бойль расспрашивал через переводчика (англичанина Дж. Бекли, исполнявшего, по его словам, обязанности капитана порта в Гонолулу) гавайских вождей и других островитян, беседовал с иностранными поселенцами. Он не только ответил на поставленные вопросы, но и составил записку по этой проблематике» [Тумаркин 1983: 50]. Тем самым этнографическая тема была выделена из общего потока наблюдений, характерных для дневниковых записей путешественников того времени, и была воплощена в дневниковых записях, представляющих собой подлинно этнографические отчеты.

В приложении 7 нами приводятся отрывки из записок Васильева, Шишмарева и Бойля. Выборка данных производилась с таким расчетом, чтобы информация, содержащаяся в рукописях, так или иначе касалась объектов традиционной культуры, образцы которых поступили в Кунсткамеру в составе так называемой куковской коллекции 1780 г., и в первую очередь перьевых накидок и украшений. Цитируются те места, которые гипотетически могут нести некую новую информацию, касающуюся описываемых элементов материальной культуры гавайцев. Орфография документов сохранена, поскольку в некоторых случаях она сама по себе, в совокупности

¹ Здесь и далее знаки зачеркивания, подчеркивания и другие особенности принадлежат цитируемым оригиналам.

с контекстом тех или иных упоминаний, является важным источником информации.

Даже при беглом просмотре этих отрывков видно, что целенаправленный («монографический») сбор сведений по традиционной культуре гавайцев позволил российским морякам увидеть и узнать множество деталей, не только ускользнувших от взглядов современников, но и практически неизвестных современным исследователям. Многие из того, что прежде существовало на правах, пусть простейшего, умозаключения, теперь становится очевидным фактом. Полный анализ даже такой относительно небольшой части текстов, составленных российскими мореплавателями, требует специального исследования, поэтому пока мы остановимся на тех свидетельствах, которые могут содержать новую информацию о гавайских перьевых накидках (см. главу 3).

По сообщениям участников третьего путешествия Кука, красно-желтые перьевые плащи имели назначение военного костюма гавайских вождей. Например, можно было только догадываться, что это был вид настоящего защитного вооружения, основываясь на сочетании различных признаков конструкции перьевых плащей (петли на нижних концах пол, прямая линия ворота). Вследствие этой неопределенности была выдвинута концепция «символической защиты» во время сражения (скрытая ассоциация перьев красного цвета с магической силой *мана*, приписываемой вождям *алии*. — П.Б.) [Каерплер 1985: 111].

Слова старика, с которым беседовал Бойль (см. приложение 9), прямо указывают на практическую функцию (трапециевидных) накидок в качестве военного снаряжения, своего рода щита, закрывающего тело от камней противника. Это совпадает с мнением спутников капитана Кука, которые полагали, что перьевые плащи значительно смягчали удары, нацеленные в тело, а при сближении на расстояние удара копьём сохраняли свою защитную функцию, делая очертания тела неопределёнными и тем самым затрудняя прицельные удары.

В рассматриваемом контексте не менее показательны наблюдения участников экспедиции Васильева, касающиеся способов ношения накидок (см. приложение 9). По замечанию Шишмарева, у старшин «через плечо накинуты были разного цвета Мантии называемые у них Тапы». Или: «Часовой высокога росту и весьма статнаго сложения перевязан Маро и чрес плечо левое в перекинутом

плаще или Тапе стоял на пристани держа в правой руке Пику». Этот способ ношения плащей гавайцами объясняет, почему трапециевидные накидки в Описи Бема именуются «ментеями» («ментия» является синонимом слова «ментик»). По-видимому, данный факт находит разумное объяснение только за счет предположения, что англичане, передававшие эту вещь Бему в 1780 г., сопровождали акт дарения комментариями, отражавшими то, что они видели собственными глазами.

В продолжение темы, связанной с интерпретацией перьевых накидок в качестве универсалий традиционной (доконтактной) гавайской культуры, на основании записей экспедиции Васильева можно сделать еще одно замечание. Характер словоупотребления в отношении гавайских перьевых ожерелий, или венков, *леи*, по крайней мере, косвенным образом опровергает гипотезу, согласно которой «зефиры» из Описи Бема ставятся в соответствие с вещами упомянутого класса. Как явствует из записей членов экспедиции, в первой четверти XIX в. в русском языке венки назывались «венками». Знакомство с русской литературой последней четверти XVIII в. дает те же результаты, оставляя за «зефирами» значение «короткая женская накидка» по словарю английского языка.

Таким образом, изучение записок участников экспедиции Васильева позволяет точнее трактовать такие хорошо известные явления традиционной гавайской культуры, как черно-белые перьевые плащи с узкими воротниками из красных и желтых перьев. До сих пор считалось, что плащи этого типа являлись принадлежностью вождей низшего ранга благодаря предполагаемой «дешевизне» черных и белых перьев. Из свидетельств русских моряков следует однозначный вывод, что белый прямоугольник, или белый прямоугольник на темном поле, служил знаком наложения табу (в куковские времена «белый флаг» гавайцев считался знаком мира). Следовательно, перьевые плащи с таким рисунком представляли собой способ табуирования персоны вождя, скажем, в рамках похоронной/поминальной обрядности. Флаг в виде белого квадрата на синем поле является знаком запрета на посещение определенной территории (ср. установку белых флагов во время похорон) (см. приложение 9). Данные цвета могли использоваться и в иных семиотически эквивалентных случаях, по-видимому, не имея непосредственного отношения к гавайской «табели о рангах».

На наш взгляд, представленная выборка фактов подтверждает ценность записок участников экспедиции Васильева в качестве полноценных этнографических источников, предполагая их дальнейшее изучение в рамках других тем, связанных с монографическим описанием традиционной гавайской культуры. Безусловно, сведения участников третьего путешествия Кука на сорок лет старше сведений участников экспедиции Васильева. Однако в отличие от первых сведения русских моряков носят систематический характер, представляя собой не просто заметки любознательных путешественников, но настоящие этнографические отчеты, и в силу этого содержат вроде бы незначительные детали, которые в наибольшей степени могут заинтересовать профессиональных этнографов.

Неизвестные списки В. М. Головнина

Прямым доказательством принадлежности рассматривавшегося выше ряда вещей к коллекции Васильева 1823 г. и, следовательно, их непринадлежности к коллекции Головнина явилась долгожданная находка в РНБ (бывшей Публичной библиотеке) сопроводительного списка предметов, переданных Головниным в Музей Императорской Академии наук в конце 1819 г. Так, номера в рабочем списке Руссова оказались соответствующими номерам собственного списка Головнина, опубликованного в газете «Санкт-петербургские ведомости» в декабре 1819 г. [Санктпетербургские ведомости 1819: 1095].

После установления того факта, что в маршрут экспедиции Васильева входили также Австралия и острова Тихого океана, единственным способом узнать, кому принадлежали океанийские вещи из коллекции № 736 с характерными текстовыми этикетками, было найти список В. М. Головнина (или список Васильева). Наше исследование пришло к тому пункту, где оно и начиналось, — к записи в протоколах Академии наук от 15 декабря 1819 г. о поступлении от В. М. Головнина коллекции, состоящей из 31 наименования предметов. Эта запись гласит о передаче этих «достопримечательностей» (“*curiosités*”) в собрание академического музея и решении опубликовать сообщение о дарении в газетах (“*de faire mention de ce don dans les gazettes*”), для чего список объектов был передан академику А. Ф. Севастьянову [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 30. Л. 117]. До сих пор след оригинала списка на этом терялся. Руссов, по-видимому,

последним в истории МАЭ держал его в руках, если судить по его рабочему списку на немецком языке.

Однако, как теперь выясняется, газетную реплику этого списка найти легче, чем сам оригинал, возможно, еще хранящийся в делах архива Академии наук. Буквально на следующий день после заседания академии, на котором рассматривалось дарение Головнина, в газете «Санктпетербургские ведомости» от 16 декабря 1819 г., в разделе «Внутренние происшествия», было помещено сообщение следующего содержания: «Императорская Академия Наук имела честь получить от своего Президента, Его Превосходительства Сергея Семеновича Уварова следующие вещи, присланные к Его Превосходительству для Академического музея, Корреспондентом Академии Флота Капитаном 1 ранга и Кавалером Головниным» [Санктпетербургские ведомости 1819: 1095]. Ниже на той же странице приводится столь долгое время разыскивавшийся список вещей (см. рис. 5; орфография и топография текста по возможности сохраняются).

Вопреки предположениям, которыми нам до сих пор приходилось руководствоваться, практически все вещи из отданных в дар Академии наук в 1819 г. — американского происхождения. Из содержания документа видно, что рабочий список Руссова является результатом незаконченной работы по реконструкции коллекции Головнина, скорее всего методом простого подбора. По-видимому, Руссов использовал список Головнина, вставляя в собственный список номера, в идентификации которых он по тем или иным причинам был уверен. Эти номера, выделенные нами полужирным шрифтом, выступают в роли перекрестных ссылок между рабочим списком Руссова и настоящим списком Головнина. Сравнивая наименования вещей из двух списков, можно сделать вывод, с одной стороны, об ошибочности некоторых наименований, присвоенных Руссовым тем или иным вещам (см. главу 7), с другой — о невозможности точного определения некоторых вещей без использования его списка, поскольку он детализировал их описание, как это произошло, например, с предметом под номером «20» в списке Головнина. В оригинале этот предмет приводится под ничего не значащим (с точки зрения достоверной исторической атрибуции) названием «Ожерелье диких жителей Нового Альбиона», тогда как в списке Руссова дается его достаточно подробное описание, без которого невозможно документальное обоснование его соответствия

1. Курительная трубка моржовой кости, работы Коряк.
2. Игрушки, сделанные из моржовой кости, работы Коряк, числом 6.
3. Нарядное платье жителей Американских островов *Кодьяка*, сделанные из горл птиц Урилами (*Pelecanus violaceus*) в том краю называемых и украшеное носами морских попугаев (*Macarin de Kamtchatka. Buffon*).
- 4. Нарядная шляпа, сделанная из травы жителями Алеутских островов.**
5. Копье, котрым жители острова Кодьяка бьют китов.
6. Кораллы с острова Уналашки.
- 7. Модель лодок, обшиваемых кожами морских львов и употребляемых Алеутами.**
- 8. Корень неизвестнаго растения, употребляемый жителями острова Кодьяка для курения.**
9. Снурок из китовых жил, работы жителей Алеутских островов.
- 10. Образец наряднаго платья жителей Алеутских островов, делаемого из медвежьих кишок.**
11. Черенок из моржовой кости работы жителей Алеутских островов.
12. Три орудия для женскаго рукоделья жителей Алеутских островов.
13. Ридикуль Алеутских дам, или мешок для хранения работ женских с Алеутских островов и называемой ими по Русски трудоноска.
- 14. Ручное оружие, сделанное из моржовой кости и употребляемое старшинами народа, обитающаго на полуострове Алякса.**
15. Детородной уд кита, убитаго подле острова Кодьяк.
- 16. Оружие жителей Северо-Западнаго берега Америки, коим они действуют имея по одному в каждой руке.**

Рис. 5

17. Курительная трубка, сделанная из камня, работы жителей Северо-Западной Америки.
 - 18. Головное украшение диких жителей Нового Альбиона.**
 - 19. Корзинка, сделанная дикими жителями Северной Калифорнии и поднесенная их Губернатору Дону Павлу Виссите де Соло; а им подаренная Флота Капитану Головнину.**
 - 20. Ожерелье диких жителей Нового Альбиона.**
 21. Кусок материи с Сандвичевых островов, сделанный из коры так называемого бумажного дерева (*Morus papirifera*).
 22. Корзинка, сделанная из травы, работы жителей Северной Калифорнии.
 - 23. Кожа пингвина из пролива Магелланова.**
 24. Образцы редких деревьев, растущих на Филиппинских островах числом 30 дощечек с надписями как они называются по Испански.
 25. Стрелка для битья бобров, употребляемая жителями на Алеутских островах.
 26. Корзинка, работы жителей Алеутских Островов для сбора ягод.
 27. Камень, какие находят на Северо-Западных берегах Америки и употребляются поселившимися там Русскими вместо алмаза, для резания стекла.
 28. Раковина называемая *Rareg nautilus*. Раковины сего рода весьма редко целые можно найти.
 29. Черепаховые серги, употребляемые жителями острова Таны, к которому Капитан Головин приставал в первое свое путешествие в 1809 году. Серги сего рода служат первым украшением старшинам помянутого острова.
 30. Оригинальная Японская карта Курильских Островов и части Японии.
 31. Бритвеница, в подражание Европейским, Алеутами сделанная из моржовой кости.
- Примечание: Все костяные вещи сделаны одним Простым Европейским ножом без пособия других инструментов

Рис. 5

предмету № 2868-47: «Шейное украшение из чередующихся коричневых и черных подобных ореховым скорлупок <...> медведь из кости». Такого рода уточнения — в сторону подтверждения или опровержения — могут затронуть и другие предметы, ранее атрибутированные по списку Руссова или его копии на русском языке. Впрочем, дальнейшая реконструкция этой коллекции Головнина, безусловно, является прерогативой американистов.

В том, что касается вещей под номерами «21» и «29», сведения о них существенно дополняют историю поступлений из путешествий Головнина. Если атрибуция предмета «Кусок материи с Сандвичевых островов, сделанный из коры так называемого бумажного дерева (*Morus papirifera*)» пока выглядит не очень перспективной, то поиск предмета «Черепашьи серги, употребляемые жителями острова Таны, к которому Капитан Головнин приставал в первое свое путешествие в 1809 году» может оказаться более успешным благодаря возможности использования метода этнографических аналогий.

Завершаем наш обзор выводом, что новейший вклад в архивные исследования по этнографическому наследию В. М. Головнина был сделан сотрудником РЭМ С. В. Дмитриевым. В 2011–2012 гг. он впервые опубликовал очень ценные материалы по собранию редкостей Публичной библиотеки, которое включало ранее неизвестную коллекцию Головнина, датируемую 1817 г. [Дмитриев 2011: 79–80; 2012: 376–378, 379–390]. С. В. Дмитриевым приведен и список, состоящий из 33 предметов, большинство из которых были привезены с о-ва Тана (Новые Гебриды, совр. Вануату). Однако поиск следов этой коллекции является темой отдельного исследования, которое должно объединить весь комплекс проблем, связанных с изучением истории сложения коллекции № 5754, переданной в МАЭ из Государственного этнографического музея в 1938 г., о которой в главе 2 мы уже упоминали в связи с гипотезой о ее куковском происхождении.